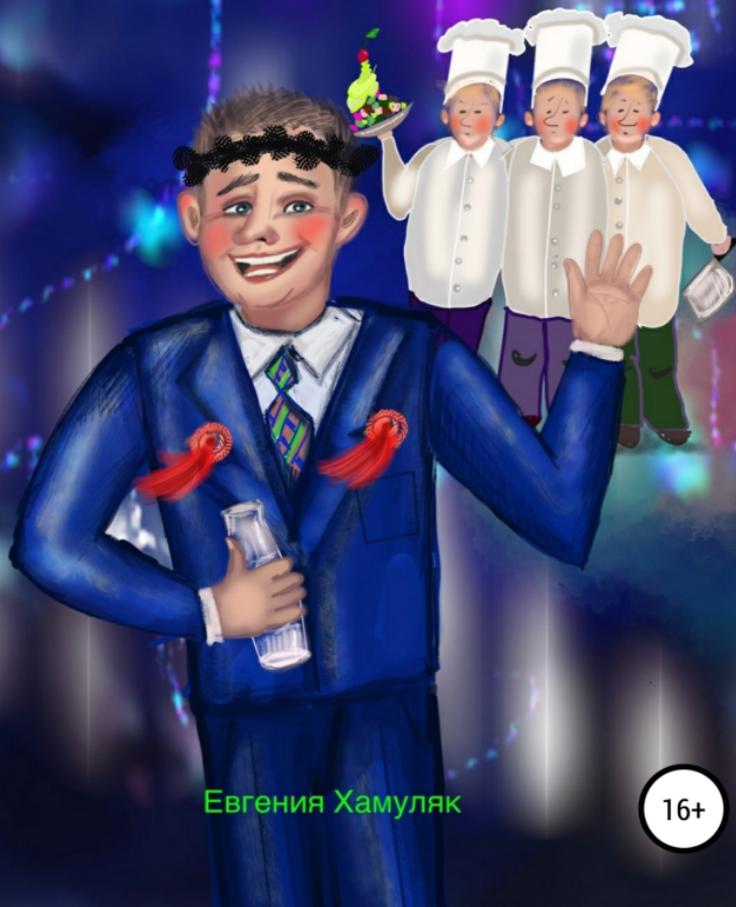

НОВЫЙ ГОД НЕ ПО-РУССКИ

Евгения Хамуляк

16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Новый год не по-русски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66756188

SelfPub; 2021

Аннотация

Павел и его друзья давным-давно загадали справить Новый год не по-русски, например, где-то за границей, но что б весело, организованно, с программой, при этом дешево и сердито, и что б "шуба завернулась" ... квадратиками...

Что из этого получилось? – Читайте в новогодней истории "Новый год не по-русски".

Эта и другие новогодние истории автора "Сталину никто не пишет" и "Противный Новый год" изданы в сборнике "Елочки-иглочки, чудеса под Новый год".

Евгения Хамуляк

Новый год не по-русски

Идея справить Новый год за границей пришла в голову Павлику, который кроме Турции нигде и не бывал. Ему, как ценному сотруднику органов, было запрещено покидать родину без уважительной причины. Отпуск не являлся таковою.

Кроме Турции других заграниц пока не внесли в список для путешествий. Поэтому было решено устроить настоящий новогодний праздник с деликатесами и шоу именно в Турции, разделив все расходы между друзьями.

В группе близких друзей вместе с жёнами значилось 12 человек, плюс дети, человек 16-17. Точно посчитать празднующие не смогли.

Расходы получались нешуточными. В отеле предупредили, что если русские не забьют зал своими, турчане забьют свободные посадочные места остальными национальностями.

Решено было приглашать всех и вся и даже дальнюю родню или приятелей, лишь бы выполнить условие.

В конце концов, удалось набрать 92 гостей, включая детей. Проблема состояла только в том, что «в друзья» у некоторых набились не только русские, но и французы, и немцы.

В принципе, все были согласны, только не знали, как справляют Новый год представители этих национальностей.

Чтоб всем было хорошо, решили составить разнообразное меню: для русских – оливье и шуба, стерлядь и свинина, для французов – устрицы, улитки, фуа-гра и утка, для немцев – кренделя, сосиски, свиная рулька и квашенная капуста. Детям всех национальностей – макароны и йогурты. Так советовала сделать паучья сеть, с которой советовались главные зачинщики предстоящего мероприятия.

С программой выходило сложнее, но на помощь пришла администрация отеля, подсказав, что знает одну семейную пару клоунов, которых они постоянно вызывают в качестве аниматоров летом. А летом в отеле немцев, французов и прочих пруд пруди. Всем программа нравилась. По крайней мере, никто никогда не жаловался.

Павлик почесал полысевшую от стрессовой работы ценную голову и довольно чмокнул губами:

– Алкоголь и конфетки входят во «всё включено»?

Турчане кивнули: «Бэспраблэм!».

Женщины начали копить деньги на платья, маникюр и причёски, а мужчины уже копили – на подарки жёнам и детям. Дети стали составлять по второму, а кто и по третьему разу письма Деду Морозу о подарках.

Наконец, билеты были куплены. Чемоданы собраны. За

день до Нового года компания из 17 человек первой прибыла в пятизвездочное станище, уже украшенное по-новогоднему, и ринулась первым делом в спа, чтоб разморозить отмороженные конечности в турецких хамамах и подлечиться горячительным, так сказать, чтоб не заболеть.

Спа оказалось забитым под завязку, там уже отогревались немцы, французы и другие незнакомые личности.

Чуть позже выяснилось, что это люди не чужие, а как раз те «свои», которые разделили непосильные расходы, чтоб отпраздновать сей знаменательный день вместе.

Подвинувшись, немцы и французы уступили друзьям из холодной Руси место. В ответ в пластиковые стаканчики были налиты микстуры, и все вместе, прямо в джакузи, как выражался Павлик, гости «встали на одни лыжи», то есть настроились на одну новогоднюю волну.

Через полчаса увлажняющих процедур французы с немцами уже говорили чуть-чуть по-русски, русские свободно размахивали руками как на французском, так и на немецком, что даже улавливался некий акцент.

Отель загудел, как пчелиный улей. Повсюду слышались слова приветствий, поздравлений, дружеской болтовни. Люди заселялись, обнимались, целовались и потихоньку поднимали градус настроения горячительным, а кто-то просто наслаждался жизнью без помощи со стороны.

Однако ближе к полднику обнаружилась проблема: у Пав-

лика стремительно стала подниматься температура и со всех щелей, что называется, полетели съеденный ранний завтрак дома, потом кофе и булочка из аэропорта, затем то, чем кормили в самолёте, наконец, турецкий, а точнее, шведско-турецкий стол. Полдник вылетел первым, так как стоял ближе всего к верхнему отверстию, через которое организм Павла освобождал его от ненужного, как скульпторы прошлого свои творения.

– Кишечный грипп. У меня так у Максимки было, – выдала диагноз Антонина, чья-то подруга, единственная откликнувшаяся на зов о помощи и присутствующая на территории отеля врач.

– У Антонины пять сыновей и одна дочка. Она – как врач, – верили многолетней женщине, прошедшей огонь и воду, жена Саша и все-все-все друзья Павла.

От врача реального решили отказаться. Толкотня со страховками никому была не нужна, а счёт за осмотр светил стоимостью, эквивалентной доле участия в празднике.

– Есть у меня термоядерное средство. Из Испании. Всегда вожу с собой. Тыщу раз спасало в дороге, – доставала из женской сумки Антонина зелья на непонятном языке. – Развести и хлебать двое суток. Жрать ничего нельзя. Только кашку, – Антонина сделалась совсем серьёзной. – И особенно водку лакать категорически запрещено. Итак сильнейшая интоксикация, если ей добавить ещё огоньку, ждут тебя, Павел Анатольевич, приключения русских в турецкой реани-

мации.

Вид и жаргон у женщины, вырастившей столько детей, были такими, что Павлик подумывал и вовсе перестать жрать и лакать.

– А теперь отдых и сон.

Услышав последнее наставление, друзья большой гурьбой ринулись по своим делам, оставляя несчастного друга в одиночестве.

– И ты уходишь? – жалостливо спросил Павел Александру.

Женщина замешкалась, но не осталась – под предлогом «нужно следить за детьми» она убежала с печальным, но горящим взором.

Павлика мутило, колбасило, выворачивало, вштыривало, куролесило в одиночестве всю ночь. Ближе к четырём утра стало легче, и он смог заснуть. В 4:30 пришла пьяная жена, уверив пробудившегося мужа, что с детьми, погодками Васей и Лешей, 14 и 15 лет, всё хорошо.

Как ни странно, но лекарство многодетной ведьмы подействовало. Павел допил первую бутылку со смесью в девять утра вполне бодрым и даже выспавшимся побрёл в ресторан на завтрак один. Жена не проснулась. В соседнем номере спали мёртвым сном дети.

В ресторане оказалось десять человек вместо 92. Двое являлись теми, кому «за печень и за сердце». Антонина, кото-

рая не употребляла в принципе. И ещё несколько человек, в которых по лицам Павел профессионально распознал сыроедов, натуропатов, гомеопатов, невротиков и парочку йогов. К десяти часам опустели тарелки и тазики с овощами, фруктами, белым рисом. Мясо и рыба лежали нетронутыми. Кастрюлю с овсянкой доели Павел с Антониной, присевшие рядом, так как их теперь связывало зелье из Испании.

Кстати, поначалу поставив жирный крест на отдыхе и праздновании Нового года, ближе ко второму завтраку Павел всё же увидел свет в конце тоннеля.

Во-первых, прекратились понос и рвота, что было уже счастьем.

Во-вторых, не евши овсянку с детского сада, где Павлика пичкали ею насильно, в зрелости мужчина отметил её неповторимый чудесный вкус. Собственно, он доел бы кастрюльку и один, но оказалось, это любимое лакомство Антонины.

В-третьих, чья-то подруга или родственница Антонина, на вид чистая ведьма, в разговоре оказалась интересным и полезным собеседником. Павел, после того, как кастрюлька опустела, даже стал записывать за ней, потому что ранее ему никто не мог помочь с его проблемами: как вывести шпору и рассосать жировик на лопатке. Наконец, грибок большого пальца его просто достал: не помогали ни мази, ни присыпки. Зато прилично пустел кошелек от новых бестолковых средств.

– Конечно, нашёл дурачков! – возмущалась Антонина. –

Паша, ты вроде как следователь, видишь ли причинно-следственную связь, почему платные врачи и фармацевты хотели б, чтоб ты вылечился? И с другого конца обмозгуй. На какого рожна бесплатным врачам ты сдался со своей шпорой: отхреначат по коленку и нет проблем. Нет проблем у бесплатных врачей с тобою, понимаешь или нет?

Следователь нашёл причинно-следственную связь в фармакологическом заговоре против него и стал ещё упорнее записывать за Антониной.

– Баночку туда-сюда крути пяточкой. Пойдёт попеременный массаж ещё не окостеневшей ткани, – завтракала и одновременно вела осмотр Антонина. – Грибок что любит? – допрашивала с пристрастием женщина. – Правильно, тепло, мокроту и сахарок. Убери сладкое, мой ноги с душистым мылом, и грибки у тебя сдохнут на глазах. И главное, не жри ничего вредного и не лакай горькую, иначе брык!

Если до этого разговора Павел ещё сомневался в страшных советах, то после шпоры окончательно уверовал в народную медицину, даже прихватил из ресторана маленькую стеклянную бутылочку из-под кефира, катать ногой со шпорой в номере. Зачем откладывать выздоровление до возвращения домой?

Но по дороге в номер передумал возвращаться, спрятав поглубже в карман кефирную спасительницу. Жена, дети,

друзья, скорее всего, проспят до обеда – чтоб никому не мешать Павел побрёл осматривать отель.

«Турецкий рай» оказался не таким уж большим, как на картинках, но достаточно вместительным. Тут тебе и тренажёрный зал – Павел целый час покачал штангу, вспомнив молодость. Тут тебе и спа, утром 31 декабря абсолютно безлюдное. Даже Антонина ещё сюда не забрела. А зря! У Паши остались вопросы по поводу кое-каких интимных дел. Но он дал себе зарок отыскать женщину на застолье и расспросить поподробнее, что на этот счёт говорит народная медицина.

Попарившись в хаммаме, побултыхавшись в джакузи, где вчера сидело 16 человек вместо шести по нормативу, Павел отправился дальше, найдя бильярдную и волейбольную, где резались французы, которые помахали ему рукой: мол, присоединяйся, комарадэ.

Павел снял свитер, аккуратно поставил медицинское стекло рядом с одеждой и побежал вспоминать молодость. Вспомнил он её на 11:0, когда присоединились немцы из бильярдной, а ближе к обеду проснулись русские. Для чистоты эксперимента ариев поставили вместе, но выиграли всё же славяне, хоть пили не пиво с вином, а покрепче. Но немчура не обиделась, приглашая отобедать вместе, ведь на празднике все будут сидеть за общим столом со своими компаниями, и там уже не наговоришься.

– Так, мужики, в обед не пить! – командовали Серёга и

Лёня. – Максимум один бокал. Сохраняйте силы на праздник.

На полдник жёны ходили раздавали лекарственный препарат, незаменимый в случае метеоризма. Дело в том, что праздничный новогодний ужин был заранее обговорён: русским – русское, остальные – остальное. А вот турецкий обед, а точнее шведский стол, был напрочь забыт. Хумусы, турецкие копчёные яйца, жареные баклажаны с аджикой, мясо в чесноке, кебабы с петрушкой, чечевичная похлебка... В общем, ближе к полднику вместо ароматов ёлки и мандаринов в отеле запахло турецкими яйцами или месторождением серо-водорода.

– Это не мы! – кричали возмущённые подростки, когда их заставили тоже «вакцинироваться» от метеоризма. – Немцев идите понюхайте, они на обеде всю капусту съели и свинину с аджикой, а заедали пахлавой с медом.

Добровольцев дознаться со знанием языка не нашлось.

– Да плевать! – отмахнулся Серёга, многозначительно глядя на Лёню. Мол, скоро такая пьянка-гулянка начнётся, не то что запах, картинки пропадут из поля видимости. Главрей поддержало большинство, и все разошлись по уголкам отеля, чтоб уже через четыре часа встретиться в праздничной зале нарядами и готовыми к новой жизни.

Павел вместе с мужиками бродил по отелю, присаживаясь то в бильярдной, то в теннисной. Мужики резали анекдо-

ты, рассказывали курьёзные случаи из жизни, пересказывали сплетни и даже делали бизнес, однако старались не сильно контактировать с Павлом, которого честно попросили сильно не приближаться и пить-есть из разных с ними тарелок. Паше было немного обидно, но по-человечески он понимал друзей и товарищей. То, что он пережил этой ночью, не пожелал бы и врагу.

За час до назначенного срока все как по звонку ринулись по номерам, где их ждали нервные жены, которые должны были совершить чудо и из своих мужей сотворить принцев.

Счастливый Павел вбежал к себе в комнату и не нашёл там никого.., кроме праздничного отглаженного костюма, безжизненно лежащего на кровати, начищенных ботинок, дезодоранта и записки.

«Я у снохи Вечканова, приехали Серёгины деверь и кума. Мы разговариваем. Встретимся уже на ужине. У детей всё хорошо. Они с Цапкиными. Целую, люблю. Саша».

Павел стал вспоминать, когда видел последний раз жену живьём?

Почесав бровь, он вспомнил, что в твёрдом уме и живьем-живьем только в аэропорту. В автобусе она сразу усе-лась к подругам, и потом он видел её только мельком. То там её пальтишко просвистело, то здесь. Когда с ним случилась беда, он её не разглядывал. Она то бегала за врачом, то её перекрывал образ Антонины. Утром, когда Саша не отвечала на зов пойти позавтракать – не считался, так как явных

признаков жизни, кроме сопения, жена не подавала.

Павел заволновался, но потом вдруг просиял.

– Мечты сбываются! – стукнул он себя по лбу. – О, дурак! – пожурил он сам себя за дурацкую привычку сразу искать негатив и подозреваемых.

Во-первых и в-главных, они с Саней уже как полтора суток не ссорились. Шутки-шутками, но именно это желание он решил загадать в полночь Деду Морозу и Снегурке. В последнее время, после 16 лет брака, они то и дело ссорились по пустякам. В основном, это были претензии с её стороны, что он стал неромантичным, сухим, жадным и мало проводил времени с семьёй. А тут получается взятки гладки: свалила к каким-то деверям и прячет детей, которых сам отец немного побаивался. Точнее, побаивался себя, чтоб их не прибить. Дети знали слова, которые не знал Паша. Они разговаривали между собой и себе подобными на этом птичьем языке. Паша боялся, что они что-то от него скрывают и бесился от этого.

– Может, они про дурь говорят, а я и не знаю. Прячут её где-то. Курят, лижут. А может, трахаются, как кролики, а мы с тобой – уже бабка с дедом? – с выкрученными в разные стороны глазами от страха за детей, которые назывались подростками, говорил с придыханием Паша.

На эти следовательские подозрения и профессиональную привычку во всём искать криминал, Саша не считала нужным отвечать. Оба сына, в отличие от отца, пошли спортив-

ными тропами. Оба мечтали стать спасателями. У обоих были идеальные оценки. Если они и перебарщивали с телефонами, играми и, наверное, где-то покуривали, Саня, с детства перебарщивающая со всем и вся, сыновей не винила.

– Голова на плечах есть. Когда надо, голова возьмёт верх над другими членами! Это мои сыновья! – по-сталински глядя в светлое будущее, рассуждала строгая, но справедливая мать.

А то, что отец перебарщивал с трудоголизмом, пропустив пубертат сыновей, это как раз не устраивало женщину, которая перепробовала все методы, но сработал только последний, когда из суда Павлу пришло извещение о разводе. Он попросил второй и последний шанс. Саша дала ему этот шанс позавчера, поэтому испытательный срок был в самом разгаре.

Второе желание сбылось в том, что наконец-то Павел мог без зазрения совести провести хотя бы день так, как хотел он, без того чтоб развлекать Сашу и детей. Поэтому первым делом Паша засел в пространстве чищенного кафеля пятизвездочного туалета с телефоном и припасённой ещё в самолете газеткой, разглядывая в экран всякие глупости и такие же глупости читая с бумаги.

В-третьих, Павел за вчерашний и сегодняшние дни сбросил три кило 500 грамм. Дома ему даже один килограмм и тот давался с кровью и потом с гирями зале или на диете.

Стрессовая работа, перекусы, кофе, поздние ужины, к сожалению, плохо сказывались на фигуре и здоровье. Поэтому к своим 48 Павел подготовил Деду Морозу не только желание про любовь, но и как любой старик, – про здоровье.

– Половое, в том числе, – как бы уточнил Павел, будто волшебный персонаж его слышал.

За окном послышались первые фейерверки, это начали провожать старый год его друзья и заодно проверяли готовность снарядов перед настоящим салютом.

Павел быстро оделся, набриолинил небольшой ёжик, что звался чёлкой, и бегом устремился вниз, в залу, не забыв прихватить подарки для жены и детей и волшебное питьё Антонины. Оставался ещё литр, чтоб замазать прорехи в здоровье.

– Что случилось? – спросил Павел, с ужасом глядя на откуда ни возьмись взявшихся раненых.

– Снега-то нету, – угрюмо ответили из толпы. – Укрепили плохо. Это вам не Подмосковьё. А пустыня.

Раненых осматривала Антонина, как и в его случае в целях экономии средств на медицине. А Павлу почему-то стало смешно. Он еле сдерживался, чтоб не заржать, как конь. Когда похрипывания и посвистывания стали очевидными, ему пришлось отойти в сторонку, чтоб отсмеяться там и не

получить по морде.

Очень уж забавными выглядели люди, раньше времени проводившие старый год. Они походили на лунатиков, которым мешал нормально двигаться разорванный в пух и прах скафандр. Но ещё смешнее выглядел медицинский осмотр Антонины. Лунатики протягивали руки-ноги в прожженном праздничном костюме, а она прикладывала к ранам воду, разведенную в уксусе. Воняло так, что выступали слёзы!

Не в силах больше сдерживаться и тем самым рискуя заработать грыжу, Павел отправился в праздничный зал, где его ждал сюрприз.

Залу, как и планировалось, разделили по языкам и родовой принадлежности, чтоб каждой группе было интересно «со своими». Павла почему-то посадили между французов. Жён и детей рядом не примечалось.

Взяв табличку со своим именем, тарелку и фужер, хотя не собирался пить ничего, кроме воды, и есть ничего, кроме овсянки, следователь направился по следу родных, обнаружив их в кругу друзей и кучи незнакомых. Саша, что называется, блистала.

Ещё дома Павел отметил (но не вслух) новый облик жены, у которой в талии ещё в ноябре убавилось, а в губках и ресницах прибавилось. Платье было вообще отпад. Короче, жена выглядела так, как те красотки со страниц журналов, на которых мужчина периодически засматривался сидя в сортире.

Кстати, подарок в кармане пиджака очень бы подошёл к платью.

Гартер. Это слово Павел выговаривал минут пять, прежде чем выучить, а затем купить кусочек материала за баснословные деньги. В комплект присовокупил присоски к соскам. Это явление он видал в блокбастерах Голливуда, хотя и не понимал назначения. Его, а возможно и всех, веселили смешные тесёмки, которые нравилось раскручивать по часовой стрелке, а потом против.

Наконец, кольцо. До кольца Павел додумался не сам. Ему подсказала продавщица гартера, которой мужчина зачем-то поведал свою жизнь до момента получения вызова в суд.

– Вам надо подарить ей кольцо, как знак новой жизни, где всё будет по-новому. Вы каким видите себя в новой жизни?

Павел видел себя молодым, здоровым, стройным, свежим, сексуальным, богатым. Богатство ещё было в пути, ну это ладно.

Но для ранее перечисленного мало что было нужно. Быть ближе к любимой. Быть ближе к семье. Не переедать и попросту бросить пить. Тратить деньги с умом, например, на гартеры, а не на выпивку, посиделки и всякую дребедень.

Кстати, после кишечного гриппа бросить пить и есть было очень просто. Оставалась нерешённой проблема с новой жизнью, но Новый год обычно давал шанс.

Павел смотрел с минуту на свою жену, которая наслажда-

лась вниманием, кокетничая с чужими мужиками, некоторые из которых даже не говорили по-русски, а Саня чирикала на их языке свободно, будто полжизни в Париже отмотала. И вдруг понял простую вещь. Ведь Сашка тоже хотела быть молодой, здоровой, стройной, свежей, сексуальной и богатой, как он. Стоит ли мешать, возникать на горизонте, когда у любимой, возможно, наступила минута славы? Пусть не он, валенок подмосковный, трудоголик последний, идиот идиотский, но другие отметят её чувство юмора, женственность, сексуальность. Она была достойна этого хотя бы из-за того, что терпела валенка все эти годы.

То, что Сашка его любит и никуда не денется, Павел был уверен, особенно грели надеждой гартер, кольцо и новые устремления трудоголика.

Поэтому, развернувшись, он легко побрёл обратно к своему французскому застолью.

Французы, ряженые как скоморохи, уже сидели гурьбой и чокались красным. В час, когда в России провожали старый год, то есть за 2-2,5 часа до Нового года, команда молодцов-принцев в белых рубахах, выглаженных с отливом костюмчиках, блестящих ботиночках, красивой гурьбой ввалилась в двери. С улицы в то же время пожаловали те, кто уже проводил старый год и даже успел попасть под пулемётный обстрел из салютов. Но всё равно следы белой рубахи и костюма ещё проступали на опалённых, смоченных уксусом

телах.

– Что это? – спросил валун по имени Мишка, хотя ростом и весом выходил на целого Михаила Борисовича, друга-переводчика Витю Казанкина, который и пригласил своих друзей-лягушатников, разодетых в пальмы и разноцветных попугаев.

Казанкин поцокал языком на свой промах, понимая всю суть вопроса, где на лице Мишки было чёрным по русско-му написаны золотые слова: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Но Мишка не стал дожидаться результата работы головного мозга дружбана, а попросту подошёл к французам и на невербальном языке, размахивая жестами то на себя, то на пальмы, то на ёлку, объяснил: мол, пальмы у себя будете в Париже носить, а здесь дамы, дети, праздник, надо бы как-то поцивильнее, мужики.

Французы поняли невербал и слегка покраснели. Казанкину даже показалось, что посмотрели в его сторону с некоей укоризной, мол: «Chto je ty, Victorrr, nas ne preduprrrregdat chito zdesya takoe vischee obchestvo budet?». Виктор быстро сбегал с мужиками в номера помочь с гардеробом. Через полчаса кавалеры-тамплиеры вышли как положено в белых рубахах, брюках и ботинках, на которые то и дело засматривались русские. Всё-таки Франция – не Торжок, знатные ботфорты шьют тамплиеры.

К немецким товарищам претензий не было. Бавары и бюргеры, пусть и не при галстуках, (всё-таки чувствовалось вли-

ание либерализма и разложение древних устоев у борусов¹, сидели с иглочки, попивая пивко перед основным зачином.

Павел хотел было заикнуться друзьям, которых он лично подбил на это новогоднее приключение, а не случайно ли, что он со своим желудочным гриппом оказался затёсанным к французам? Но завидев счастливые их лица, дружеские объятия, чоканье и прощание со старым годом, где среди друзей было принято просить прощения за всё утёкшее, как на вербное воскресенье, Паша вдруг подумал, что хитрые друзья правы. Хороший друг со своей хворью, пережитой им накануне, которая могла бы устроить «незабываемое приключение» им и их семьям, самостоятельно бы самоликвидировался. А тут такой ненавязчивый благородный намёк. И решил остаться в стане французов, которые показались ему неплохими ребятами. Они достали из-под полы своё припасённое красное, ароматной рекой полившееся в бокалы, которые с пристрастием нюхались и разглядывались. Дали понюхать и Павлу, пытаясь научить его отличать качественное пойло от турецкого. Оказывается, всё дело было в цвете и нотах. Если цвет тёмный, а ободок винца светлый, – то вино молодое, хорошее, но не должно быть дороже восьми евро за бутыль. Если цвет вина тёмный и ободок тёмный, то вино старое, благородное, но аккуратно – оно может быть уже давно мертво. Ибо срок жизни красного от двух до шести-вось-

---

¹ Древнее название территории, где сейчас располагается Германия называлось «Борусия».

ми лет при особых условиях хранения.

– Всё остальное можно вылить свиньям, – сказали французы, косясь на турецкое.

Паша после двух дней крутой чистки организма стал понимать в вине. Французов ему переводил Казанкин.

– Это наши поставщики из Франции. Вот такие ребята?! А вино вот такое! – поднял большой палец вверх Виктор и чапнул 50 грамм чистейшей водки в честь обоих.

– А ноги? Ноги женские где? – приставал Павел к французам. Те засмеялись.

«Фам! Фам! Шерше ля фам!». Стали показывать заинтересованному следователю-сомелье, откуда в вине растут ноги.

– Вот это наука! – удивился мужчина, и все чокнулись за него, который пить категорически отказался, только вспомнив вчерашний вечер. – Вы пейте, мужики, пейте. Я вообще не мучаюсь. За меня не переживайте.

Мужики перестали мучаться и переживать за Павла и принялись произносить тосты, закусывая новопривывшими яствами.

– Ну давайте, ребята, за старый год! Пусть всё плохое останется в нём, а хорошее мы унесём с собой и приумножим! – вскричал человек с микрофоном, появившийся из ниоткуда, как чёрт из табакерки. А был он и в самом деле похож на чёр-

та: маленький, толстенький, белая рубашечка так и проверялась на прочность пузом. Галстук висел для видимости, потому что объять шею-грудь не мог априори. Наконец, дополнил отталкивающий вид чёрный взгляд на белом, как блин, лице с маленькими, словно у известного сыщика, усиками.

– Прям Воланд! – чуть отшарахнулся от низенького крепыша здоровяк Мишка.

Павел заржал, и вышло это как-то не к месту. Обернулись и Мишка, и Воланд, который был похож на Пуаро или Дени де Вито, но уж никак не на старого благородного Сатану. Собственно, это и рассмешило следователя, который тут же припрятал смех подальше, потому что зал стал перешёптываться и глядеть в его сторону нехорошо.

– Я ж не из-за тоста, – стал оправдываться Павел Виктору Казанкину, но тот его не слушал, попеременно выпивая водочки и кокетничая с дамой, чьей-то подругой из-за соседнего ближнего столика.

– Я ж не из-за... – сказал он французам, но те налегали на закуски.

Как вдруг со стороны русской организовалась группа во главе с Артуром Мартиросяном и Виталием Всеволодовым, закадычными друзьями, которые держали лесоповал в Воронежской области. Многие заказывали себе срубы, паркет, разные деревяшки у них. Ребята были хорошими, потому все с ними сдружились и пригласили в Турцию. За ними, как за

свидетелями Иеговы, увязалось ещё человек 20. Шли они на немцев, там что-то постояли, покопались на столе и двинулись на французов.

Павла стал разбирать смех, но он не мог уйти, чтоб не узнать, что случилось, почему с видом представителей эпидемиологической инспекции мужики копаются в тарелках чужестранцев?

– Они, значит, фуа-гру будут жрать, устрицы, сосиски, а мы оливье без колбасы?! – с обидой в голосе проговорил Артур и хрустнул шеей лесоруба.

Был вызван шеф-повар ресторана и ответственная за организацию праздника русская дамочка по имени Вера, она же и переводила слова шеф-повара.

– Да, мы специально наняли русского повара с двумя помощниками для приготовления блюд согласно меню для русской компании с учётом традиций и вкуса, – Вера перечисляла блюда меню с калориями по памяти. – Селёдка под шубой, оливье...

– В оливье нет колбасы, – упрямо твердил Артур. Вера не знала, что на это ответить, ей и шеф-повару вручили вилки, чтоб те копнули салат в тарелке с русского стола.

Павел затаил дыхание и весь надулся, как красный шарик на первомай. Из глаз полились нечаянные слёзы.

– У тебя всё хорошо? – спросил Мишка, угрюмо наблюдая за экскаваторными работами в оливье и красным от удуд-

шья Павлом. Уходить уже было поздно со своими приступами смеха.

– Икаю. Родня наверное вспоминает, – врал друг, пытаюсь взять эмоции под контроль.

– Я не знаю, что на это сказать, – развела руками Вера. – Мы специально наняли русских поваров. Они утверждали и утверждают, что знают, как готовить русские блюда.

– Ну позовите нам этих русских, – попросил Виталий очень тихим мирным голосом, за которым зарождался ураган, бессмысленный и беспощадный, как русский бунт.

– А под шубой? – сказала громко дородная дама, жена одного из лесорубов, – вы видели когда-нибудь селедку под шубой квадратную? Её ж есть невозможно! Ну что это за издевательство? – указала она пальцем и такого же размера алым ногтем в тарелку на фиолетовые квадратики, рассыпанные в шашечном порядке на тарелках.

– Я помню, мы как-то справляли Новый год в Майями, – сказала ей на это высокая девушка с бокалом кампари в тонкой руке с ещё более длинным маникюром. – Небо и земля! Там в оливье чёрная и красная икра плавали, а здесь докторскую пожалели, – почмокала она губами-пельмешками, будто именно сейчас пробовала хвалённый салат на вкус. Дородная дама соглашалась, хотя и не бывала в Майями.

Вера вывела на расстрел троих, при виде которых всё становилось на свои места без объяснений.

Лаймонис, Центис и Дзинтарс выглядели, как лесорубы латвийских равнин, на каждом возвышался поварской колпак, в руках располагались тесак, топор и резак, как раз для нарубки кубиков для оливье.

– Ребят, вы откуда? – просто спросили из русской толпы.

– Латвия, – ответили мнимые русские с характерным акцентом.

– А что у вас оливье-то нечеловеческое? – неизвестный глас продолжал допрос.

– Почему? – недопоняли латыши и достали мобильники, сверяясь с рецептом.

Толпа обогнула лесорубов-латышей, тоже вперившись в экраны, где чёрным по-латышскому значились ингредиенты «Оливье» без колбасы, но с раковыми шейками.

– Так это раковые шейки были, – шепнул Мишка на ухо рядом стоящему Павлу, – а мне жена говорит: майонез тухлый.

Павел вылетел из зала пулей, держа рот руками, но его никто не осуждал. Все понимали: природные позывы – вещь непредсказуемая. Однако друзья только укрепились в правильном своём хитром ходе отсадить заразного подальше.

Отсмеявшись до слёз и хрипоты и почувствовав, что поухудел ещё на полкило, Павел вернулся в праздничный зал, где уже всё устроилось. Оливье без колбасы, но с раками, не как в Майями, простили братскому славянскому народу, страдавшему в советское время без советских деликатесов, потому сующего в рецепт подноготное. То есть морских гадов Прибалтики.

Латыши, весёлые и радостные, проведив с русскими старый год, отправились на кухню, но обещали к Новому году выйти, так как обслуживание питанием заканчивалось. Десерты и напитки уже оставались за официантами.

– Мужики, приходите! Конечно! Ну что вы там тухнуть будете? – приглашали друзья новых знакомых из Прибалтики.

– Комедия, конечно, – говорил Артур друзьям, – с другой стороны, какая на фиг разница, в желудке всё равно всё перемешается?! – и стукнул свою дородную даму по дородной пятой точке.

– Вот именно! – задорно ответила женщина, и счастливые они отправились к своему столу. Зеваки разошлись по своим местам тоже без претензий к меню.

– Как есть, так есть. Мы же заранее знали, что едем не за едой. Вкусно поесть мы или дома, или в Майями можем, – пельмешками наводила справедливость высокая девушка.

Однако когда подали горячее, голодные с русской равнины стали ковровой бомбардировкой, то есть интенсивными и непрерывными взглядами, обстреливать другой конец зала, где ели утку под желудями в красном вине и рульку под квашеной капусткой, томлёной в баварском пиве.

У Павла, отужинавшего тремя тарелками овсянки и допившего бутылку с испанским зельем Антонины, стало сводить под ребрами. Сил смеяться уже не было.

– Тебе, наверное, скучно? Все пьют, едят, веселятся, а ты..? – спросил подошедший друг Антон, больше глядя на тарелки французов, чем на Павла, за которого как будто волновался, что даже покинул родной стан, будучи явно подбитым на шпионаж и став засланным казачком.

Павел усмехнулся и даже не стал отвечать. Ему было весело, реально весело!! Да ему никогда раньше не было так весело.

Пить, есть и сходить с ума – это хорошо. Но не одно и то же видеть, как пьют, объедаются и сходят с ума люди в угаре праздника, вытворяя Бог весть что.

Ради эксперимента сытый он даже прогулялся по залу в поисках сыроедов, желая расспросить, давно ли они эту фишку про счастье трезвенника и язвенника прознали.

Ему предложили проросшие семена тыквы, свёклы, реди-

са и лука-латука под соусом из оливкового масла с сырыми грибами-вешенками.

– Не, не! – отмахнулся Павел, усмехаясь. – Я ещё не дошёл до этого уровня. Но когда-нибудь обязательно попробую.

– Под грибами, – думал следователь, глядя на буйство праздника, где мнимый Воланд пытался перекричать себя и микрофон в одном лице. Ему подпевал хор женщин, хотя Воланд не пел и вроде как не просил никого петь, – это наверное вообще отрыв башки.

Наконец, за 40 минут до Нового года, чтоб окончательно развеселить и поднять настроение гостям показались клоуны, которые должны были разыгрывать шоу звёзд русской и международной эстрады, а публика угадывать.

На седьмом персонаже Мишка, то есть Михаил Борисович, вырвал микрофон у Воланда под приглушённый смех Павла из-под стола, которому показалось, что ещё кто-то ржёт под столом – следователь был уверен, что это грибы сыроедов.

– Извините, друзья, – начал Мишка. – Нам очень нравится ваше выступление, но... Мы не понимаем, кого вы демонстрируете?

– Французы выигрывают 7:0, немцы 5:0, – подсказал неизвестный голос.

Вышла Вера со списком номеров клоунов, которые десять минут сверяли догадки публики со списком.

– Где вы Пенкина такого видели? – возмущались женщины. – А Крот кто это?

– Крид, – поправляли их дочери-подростки.

– Вы б ещё Шаляпина нам тут показали?! – басом выразил рекламацию Михаил Борисович, начальник транспортного цеха лесоповальной фабрики.

Шаляпин, кстати, был в списке.

Французские и немецкие звёзды почему-то откликались в иностранных душах, а с русскими вышел полнейший провал.

Девушке-клоунессе, которая пародировала женскую часть шоу-бизнеса, дали стакан водки, потому что она расплакалась от расстройства чувств. Её стали откачивать русские бабы, которые зашикали на мужиков за мужланство.

– Нормально она выступала!! – защищали пельмешки со всех сторон, видя бриллиантовые ногтики товарки.

Охмелев, Варя поведала, что они с мужем Славой уехали с родины 22 года назад. Естественно, мода, нравы, тенденции за эти годы поменялись. Пенкины, Леонтьевы, Шаляпины, Зыкины и новые имена перемешались в пародийной интерлюдии актёров, как шлам отстоя на чужбине.

– Ну что ж ты жену на родину не свозишь? – спрашивали сурово мужики Пенкина, прижав маленечко к стенке.

– Да у нас там не осталось никого... – отнекивался Пен-

кин, пожимая плечами с новогодним дождиком.

– Могилки отцов, дедов – это никого? – опять допрашивал неизвестный голос из русской толпы.

– Да к тому же власть заворовалась. Смотреть на неё тошно, потому мы решили, чтоб глаза её не видели... – приводил доводы Пенкин.

Как вдруг в микрофон кто-то заорал.

– **НОВЫЙ ГОД! СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ ТЕЛЕВИЗОР!**

Все немного оглохли, но ринулись к своим столам за бокалами.

– **ТРИ МИНУТЫ ДО НОВОГО ГОДА, ТОВАРИЩИ!** – крикнул микрофон неизвестным голосом. Воланд пытался найти того, кто его украл и теперь орал в него, как ненормальный.

– **Сделайте погромче президента!** – орали русские.

– Глаза б мои его не видели... – сказал Пенкин и обиженно ушёл встречать Новый год в гримёрную. Жена осталась с бабами, ей в стакан к водке добавили игристого.

Все дослушали президента, хотя слышали лишь обрывки его слов о затягивании поясов потуже, тёмных временах и прочих нерадужных перспективах. Во-первых, после ора Воланда и неизвестного тамады слух так и не восстановился, во-вторых, экран рябил, связь на чужбине с родиной была не очень. В-третьих, адреналин стал перекрывать все органы

чувств, готовые к счастью и новой жизни.

Наконец, кремлёвские часы пробили полночь, и дружный крик затмил первые секунды Нового года. Послышались взрывы, салют врвался в окна праздничной залы, люди, обнимаясь и целуясь на ходу, выбегали на улицу, чтобы увидеть яркие огни.

Павел мог смеяться открыто, глядя как немцы, отяжелевшие от пива, вина, рульки и десерта, весёлой гурьбой забрались на стулья и, взявшись за руки, прыгали вниз.

– Что это они? – спрашивал он их друга, у которого жена тоже была немка и прыгала вместе с мужиками.

– Да традиция такая! – объяснял через грохот и топот мужчина.

– А эти че? – интересовался Павел, глядя на не прекращающих целоваться французов, количество поцелуев которых уже перевалило за десяток. Позавидовал бы сам Брежнев.

– Традиция. Любимых, родных, друзей целуют до потери памяти, – объясняли языки с той стороны.

Павел слегка поморщился, потому что традиции перекинулись на него.

– Спасибо! Спасибо, мужики! – в ответ сухо кивал следователь, понимая, что вряд ли эта мода, как бы ни старались, приживётся в России.

– Паша, с Новым годом, – вдруг услышал следователь и

обернулся. Честно сказать, он немного подзабыл о жене, которая подзабыла его ещё с аэропорта. – Я тебя очень люблю и очень хочу, чтобы у нас всё было хорошо.

Почти то же самое заказал Павел Деду Морозу, когда были куранты. Только присовокупив про молодость, здоровье, свежесть, сексуальность и богатство.

Откуда ни возьмись появились и дети, весёлые и счастливые, они просто принялись обнимать любимых родителей. Павел вдруг осознал, что пусть и не понимает подростков, но невероятно их любит, потому что они действительно походили на мать, взяв лучшее от неё.

Саша подарила мужу подарочную карту самого крупного магазина банных принадлежностей и годовой абонемент в любимые термы, оговорившись, что абонемент рассчитан на двоих.

Получив в подарок гартер, присоски к соскам и золотое кольцо Саша расплакалась, крепко обнимая любимого мужа. Но придя в себя, спросила, сохранил ли он чеки, так как собиралась вернуть первые два элемента подарка.

– Я тоже хочу начать новую жизнь, – говорила жена, у которой язык слегка заплетался. – Я тоже во многом не права. Задолбала тебя что ли... А иногда надо просто разделить, позвездить где-то вне дома. Там поискать вдохновения, чтоб вернуться с ведром впечатлений и уже дома раздавать звёз-

ды, – поэтично и туманно выражалась Саша.

Павел подумал, что на следующий год подарит жене ведро для впечатлений, но боясь раздачи звёзд, промолчал и сделал вид, что не видит, какая она пьяная.

– А ты хорошо выглядишь! – заметила она и допила шампанское до дна. – Сможешь унести меня в номер, когда понадобится?

Павел почему-то подумал, глядя на бушующую толпу людей, что ему ещё придётся унести с десятков знакомых тел, которые собирались разнести отель.

– На французов и немцев даже не смотрите, – сказал Мишка четверым пропахшим уксусом, кого изначально не хотели брать из-за драчливости, увеличивающейся от градуса принятых напитков. Но, в конце концов, пожалели и дали ещё один шанс.

– И зря, – сетовал Артур, видя, что опозориться придётся и в этот раз.

Четверо устремились на турков, взглядом пересказывая историю Российской империи, где война с османами являлась таким же обычным явлением, как заросли чертополоха в Приднестровье.

Михаил Борисович отрицательно покачал головой.

– Есть выход, – на ухо ему шепнул чей-то друг и пошёл

на кухню за латышами.

Мужики как раз снимали фартуки, колпаки, переодевшись в белые рубахи и костюмы, готовые к празднику.

– Пойдёмте, ребя! Выпьем за Новый год! За дружбу народов!

Наливали бесперебойно, на шестом тосте за мир во всём мире четверо буйных отвалились. Латыши попросили закуску. Им принесли нетронутый латышский оливье.

Павел отпустил жену за ведром впечатлений, пока она ещё держалась на ногах, а сам стоял в углу и плакал, так как смеяться не мог.

Непоставившие в меню точку над «и» русские с оливье и прочими майонезами отправились на обмен к немцам, которым, кстати, меню немецкое тоже не понравилось.

Вера на чисто немецком оправдывалась насчёт традиций, вычитанных в интернете. Но рекламации тут же прекратились, когда произошёл обмен оставшейся едой. Запросили по новой пива, вина, чтоб закусить подобающе. Недовольные ели-пили уже за одним столом, чтоб туда-сюда не гонять с тарелками.

Павел отправился спать в два часа после конкурсов, которые проводил Пенкин – Дед Мороз. Снегурочка была не в кондиции и просто подпевала бабам за другим столом.

Прыжки в мешках, прыжки в высоту, передача апельсина подбородком, лишний стул... После просмотра не осталось ни слёз, ни сил смеяться, зато у Паши начисто пропал голос и окреп пресс, чувствовалась приятная спортивная лёгкость во всём теле.

***

– Это был лучший Новый год в моей жизни! – признался Павел Вере, которая с утра пораньше на завтрак собирала мнения постояльцев об оплаченном отпуске с праздником.

– Вы уверены? – не поверила девушка, встретившись в опросник, где 22 из 26 опрошенных ответили, что им не понравилось буквально всё.

Павел засмеялся, зная, кто ещё остался довольным праздником из испытуемых.

– На самом деле, всё прошло ужасно, – поведала Вера, рассказав про разбитое стекло и отравление. Ведь 15 человек прямо сейчас лежали с поносом и рвотой. Пришлось вызвать фельдшеров для откачки, хотя больные категорически отказывались от помощи, прося привести им некую докторшу Антонину.

Павел отнёс завтрак в постель любимой, которая спала голая, так как муж так и не нашёл её пижаму среди десятка платьев. Она вернулась по утру, молча легла на кровать и

уснула, успев поведать, что с детьми всё хорошо. Павел раздел любимую, благо платье снималось легко через голову, и уложил под тёплое одеялко.

Утром он посетил детей, которые спали мирным сном. Но услышав призыв отца пойти поиграть в футбол или волейбол, где уже резались французы, легко повыскакивали из кроватей.

***

Через 25 дней Павел, чуть помолодевший, оздоровившийся, свеженький, правда, достаток которого пока остался на том же уровне, предложил друзьям отметить 23 февраля и заодно 14 февраля, что являлось репетицией 8 марта, заграницей...